

жизнью, испытанная любовью, что привело их к полному нравственному крушению. Ордын-мечтатель, утратив волю, мужество и способность к борьбе, не сумел своей любовью возродить Катерину. Презрение Кароля фон Росвальда к живой жизни в угоду идеализированным представлениям о ней, неумение понять нравственное величие любящей его женщины стали причиной гибели Лукреции Флориани. Вместе с тем близость мечтателей Санд и Достоевского не исключает существенных различий между ними. Причины бегства от мира в область мечты у Кароля иные, чем у Ордынова.

Аристократ Кароль фон Росвальд — еще один вариант романтического героя-индивидуалиста, разработанного ранее Санд в романах «Лелия», «Жак», «Орас» и др. Он не принимает пошлый буржуазный мир и стремится стать над ним, презирает людей, непохожих на него, не испытывает потребности в общении с ними и тем самым сознательно обрекает себя на одиночество. Основными чертами его характера стали душевная негерпимость и романтический максимализм. В любви к Лукреции Флориани он показал себя эгоистом и деспотом, и Ж. Санд решительно осуждает его за это. Василий Ордын-мечтатель — один из тех «бедных людей» первых произведений Достоевского, которые населяли петербургские углы. Это «маленький человек», пытающийся уйти от гнетущих обстоятельств русской действительности в романтическую мечту. Но он страдает от разобщенности с людьми, отчужденности от них, вынужденного одиночества. Катерину он любит горячо и самоотверженно, «ему жизнь отдать хочется» за нее, но трагедия Ордынова в том, что любовь его бездействительна, пассивна. Достоевский и сочувствует своему герою, и осуждает его.

Близость Достоевского и Ж. Санд обнаруживается не только в идейном, но и в художественном воплощении темы мечтательности. Это проявилось и в использовании автором «Хозяйки» средств романтической поэтики для выражения внутреннего состояния героев, раскрытия их неопределенных мечтаний, обрисовки портрета. Однако в 40-е годы XIX века Достоевский не только осваивает идейно-художественный опыт Ж. Санд, но в значительной мере преодолевает и развивает ее традиции в соответствии с задачами, стоявшими в этот период перед русской литературой, и собственными творческими установками.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 томах. — Л., 1981, т. 23, с. 33.

² Достоевский Ф. М. Письма. — М. — Л., 1928, т. 1, с. 71.

³ Там же, с. 83.

⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13 томах. — М., 1956, т. 10, с. 109.

⁵ Sand G. Souvenirs de 1848. — Paris, 1879, p. 110.

⁶ Ibid, p. 108.

⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 томах, т. 14, с. 232—234.

В дальнейшем все ссылки на художественные произведения Достоевского даются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.

⁸ Отечественные записки. — СПб., 1845, т. 42, № 10, с. 355.

⁹ Гус М. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. — М., 1971, с. 75.

ИОЛАНТА ЕНИХЕН

МАРИЯ КОНОПНИЦКАЯ И ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Формирование литературы для детей во всех европейских странах с начала XIX века происходило под влиянием различных систем воспитания, возникших вместе с новыми общественными отношениями. В Польше процесс становления литературы в первой трети XIX века значительно сдерживался влиянием устаревшей, но все еще сохранявшей свою устойчивость, программы гражданского воспитания эпохи Просвещения. Детская литература рождалась и развивалась как особая область педагогической деятельности, ее роль толковалась однозначно: она должна была стать лишь «инструментом воспитательной практики». Поэтому произведения для детей писались тогда преимущественно педагогами или «ремесленниками пера» и, следовательно, были насыщены поучительностью и морализаторством.

Мария Конопницкая, отказавшись от навязчивого дидактизма, сумела поднять польскую литературу для детей до действительно высокого художественного уровня. Время ее литературной деятельности (80—900-е годы) было периодом радикального пересмотра польскими писателями основных идейно-поэтических позиций. Это было время нарастающего разочарования

идеями и эстетикой позитивизма, зарождения критического реализма, возникновения модернистских течений, получивших название «Молодая Польша». Все это в определенной степени помогло поэтессе избежать ряда крайностей и заблуждений писателей, тесно связанных с позитивистским движением, и в то же время творчески использовать лучшие завоевания «молодых», избрав собственный путь в русле критического реализма.

Первые отзвуки «антипозитивистской кампании» нашли отражение в детской литературе лишь на рубеже XIX—XX столетий. Мария Конопницкая высказывалась за освобождение детской литературы от вредного, тормозящего ее развитие влияния упрощенной позитивистской педагогической программы, выступала против нехудожественных, псевдолитературных иллюстраций этой программы. «Детская литература, — писала М. Конопницкая 31 декабря 1892 года художнику-иллюстратору Петру Стахевичу, — вращалась до сих пор преимущественно в сфере дидактической драмы: сказки, и в сфере дидактического эпоса: фантастических рассказов или рассказов о действительных случаях»¹. Фамилии авторов «дидактической драмы» и «дидактического эпоса» в письме не названы, но, как справедливо заметила известная исследовательница польской детской литературы К. Куличковская, они легко угадываются². К «дидактической драме» поэтесса, очевидно, относила произведение Станислава Яховича и его подражателей, так как именно из их сказок дети должны были узнавать «очень рано о борьбе добра и зла, светлого и темного, правды и неправды» (с. 209). К «дидактическому эпосу» М. Конопницкая могла отнести тенденциозные сочинения для детей таких своих предшественниц, как Зузанна Моравская, Тереса Ядвига, Зофия Урбановская и др. Из их произведений «дети узнавали о множестве фактов, явлений, жизненных отношений, приобретая таким образом большой запас жизненного опыта, <...> готовых правил, шаблонов, суждений, понятий, <...> которые сразу очень тесно заполняли то, что называют белой, чистой страницей детской души. Это было хорошо, — замечает поэтесса, — но также было, есть и будет односторонним» (с. 209). Конопницкая предлагает добавить к жанрам «детской драмы» и «детского эпоса» жанр детской лирики — поэзии, лишенной упрощенного дидактизма, благотворно влияющей на впечатлительность ребенка, его эстетические чувства и эмоции. Конечно, лирика в польской литературе для детей была явлением, известным и до Конопницкой. Однако именно она выдвинула лозунг борьбы за поэзию для детей без поверхностного, голого поучительства, первой потребовала лирики для детей и по воспитательным соображениям как необходимого элемента гармоничного формирования личности ребенка. Это была довольно смелая декларация, значительно расширявшая понятие о границах детской литературы и выведившая ее из туликов морализаторства на широкие просторы большого искусства.

Лирика М. Конопницкой для детей оказалась действительно новаторской. Поэтесса пыталась в ней удовлетворить запросы детей, пробудить в них глубокие, искренние чувства. «Прихожу не учить детей и не развлекать их. Прихожу петь вместе с ними», — говорится в упомянутом письме к П. Стахевичу. Эти слова касаются, в первую очередь, лирических песен Конопницкой. Относить их ко всем ее детским произведениям было бы несправедливо, поскольку в некоторых из них она и «учила», и «развлекала» детей. Конопницкая облакала множество своих стихотворений в песенную форму, которая доступна и близка ребенку, легко воспринимается на слух. Ее поэтический «рассказ всегда похож на тот простой, безыскусный рассказ, которым так заслушиваются дети у няни, бабушки, у всякого просто-го, наблюдательного, правдивого человека»³, — отмечала критика.

Дебютом в этой области и, в сущности, первым произведением М. Конопницкой для детей является картинка-рассказ «Как дети в Бронове играли с Розалией». Сюжет рассказа простой, незатейливый. Главное, самое важное здесь — песни, которые поет детям няня Розалия. Они самые разнообразные по своему характеру: народные, повстанческие, сентиментальные. Но «не столько подбор этих песен, сколько тот факт, что поет их старая няня, имел на фоне эпохи характер как будто программного обращения к романтическим традициям народных рассказчиков и песенников типа <...> пушкинской Арины»⁴.

Экспрессивно-эмоциональная выразительность и редкая мелодичность стихов М. Конопницкой вдохновляла многих композиторов. Музыка на ее детские стихи писали З. Носковский, П. Машинский и др. Надо отметить, что музыку для детей польские композиторы писали и на стихотворения

С. Ленартовича, С. Яховича и др. Однако испытание временем выдержали лишь те песенки, мелодия которых положена на слова М. Конопницкой. Их и до сегодняшнего дня поют в Польше дети дошкольного возраста.

В тематическом отношении детская лирика Конопницкой является разновидностью народной лирики. Как народные, так и многие ее стихи для детей можно назвать песней о родной земле. В них взволнованно и непосредственно выражаются чувства любви к этой земле и ее народу, восхищение красотой родной природы. Этим они напоминают лирику Н. А. Некрасова. «Петь вместе с детьми» — в этих словах выразилось стремление поэтессы пробудить в них неравнодушное и глубокое гуманное отношение к явлениям природы, научить их видеть ее красоту, слушать и понимать язык природы: шум леса, журчание ручья, шелест распускающихся листьев. Конопницкая приближает детей к природе по-разному: иногда непосредственно обращая к ним («О чем поет птичка»), иногда делая их свидетелями своего диалога с деревьями и птицами («Кукушка»); то вода своих маленьких читателей за руку, то только показывая им дорогу. «Поэтесса умело знакомит детишек с царством животных и растений, но охотнее всего она ведет маленьких слушателей в широкий мир на открытые просторы, чтобы среди лугов, полей и лесов, среди хлебов и цветов дать вдохнуть им освежающий воздух и показать родные красоты»⁵.

М. Конопницкая ввела в польскую детскую литературу новые, не встречавшиеся в ней ранее мотивы реальной жизни, главным образом деревенской. Деревенский пейзаж в ее стихах для детей является не фоном, а «лирическим героем». Это достигается чаще всего путем использования традиционного фольклорного приема олицетворения природы: солнышка, ветерка, времен года, животных и растений. Характерные для польского пейзажа ива и береза предстают здесь не только зримыми образами родной природы, но и пробуждают в читателях высокие патриотические чувства. Звери и птицы — не предмет детской филантропии, а добрые и верные друзья детей, принимающие участие в их веселых играх. Конопницкая воссоздает животный мир пластичный, красочный и многоголосый, со своими особыми нравами и обычаями. Таким образом она приобщила маленького читателя к понятиям, до сих пор считавшимся «неэстетическими», пересмотрела традиционную трактовку понятий «красивое» — «некрасивое», где «красивое» всегда значило «хорошее», «некрасивое» — «плохое». Поэтесса реабилитировала в глазах ребенка животных, которые изображались до сих пор только с отрицательной стороны: волчонка, сову, зайца, внешность лягушки, паука, мухи.

Лирика М. Конопницкой для детей в некоторой степени восходит своими истоками к творчеству С. Ленартовича, и это касается именно жанра детских произведений на народной основе. Но в его лирике мы не находим того, что впервые ввела в свои стихотворения Конопницкая, — непосредственного и искреннего отношения к детям. Ленартович обращался к ним только в определенных, общепринятых формах, в его стихах не было и речи о чувствах ребенка как впечатлительного участника жизни природы. Возможно, что взгляд на деревенскую жизнь «глазами ребенка» привел лирику Конопницкой к некоторым упрощениям, но это был новый метод изображения, коренным образом отличавшийся от существовавших до нее литературных традиций, принесший с собой простоту средств изображения, изящность формы. Поэтому детская поэзия М. Конопницкой так правдива, она не перенасыщена стилизованными элементами, риторическими вопросами и контрастными сопоставлениями, которые из-за частого употребления стали уже избитыми фразами. Особенно близки ей как автору произведений для детей были лирические стихотворения и опоэтизированная фантастическая сказка; в них больше, чем в других жанрах, проявилось новаторство поэтессы.

В прозаических произведениях для детей М. Конопницкая была не столь большим мастером, в них заметно невольное следование автором традициям. Примером тому является цикл беллетристических, нравоучительных картинок «Чтение для Тадека и Зоси», схематические персонажи и действия которых во многом соответствуют требованиям позитивистской программы.

Лучшие ее детские произведения всегда связаны с поэзией. Самое большое из них и самое богатое в художественном отношении — сказка «О гномах и сиротке Марысе» (1895) — настолько естественно и правдиво сочетается в себе поэтический стих с бытовой речью, поэтические картины природы с картинами реальной жизни, фантастику с действительностью, что эти кон-

трасты образуют полную гармонию. В польской детской литературе это произведение является этапным.

Тяготение Конопницкой к поэзии привело ее к созданию новых, ранее не встречавшихся в детской литературе жанров: стихотворной сказки («Ягоды») и стихотворного рассказа (приключенческие рассказы «Янек-странник», «Путешествие на аисте», «Приключения Пимпуса Салоедки»), в котором поэтесса порывает с формой традиционного нравоучительного рассказа. Заменяя детей животными, поучая и наставляя последних в намеренно серьезном тоне, она достигла комического эффекта и вместе с тем создала новый тип пародированного повествования. Разрушение традиционных форм в детской поэзии определил не сам факт введения в произведение персонажей из мира животных. До Конопницкой это делал уже Яхович, преобразовавший аллегорическую сказку в рассказ. Но животные из шуточной поэмы «Приключения Пимпуса Салоедки», в отличие от животных из рассказов Яховича, наделены человеческими свойствами, неповторимыми чертами, помещены в среду, напоминающую человеческое окружение. В ее стихотворениях нравоучительного характера, конечно, идет речь об отрицательных сторонах поведения детей, об их недостатках, но они изображены по-новому. Поэтесса подходит к этим проблемам без излишней серьезности и драматизма, с ощутимой сердечной снисходительностью по отношению к детям. Она делает свои произведения веселыми, насыщая их безмятежным, искрящимся юмором. Конопницкая указывает на отрицательные черты характера и прегрешения детей не путем поучения, а озорного осмеяния и пробуждения в маленьких читателях мыслительной и эмоциональной активности, она искренне верит в их лучшие качества, в способность самим найти правильный выход из данной ситуации. Таким образом, М. Конопницкая, насыщая свои произведения для детей вместо морализаторства — оптимизмом, веселым юмором и пародией, опровергала существовавшую до нее в детской литературе закономерность, требующую обязательного присутствия внешней авторской тенденциозности и поучительности.

Хорошо зная вкусы детей, М. Конопницкая своим творчеством стремилась не подделываться под них, а удовлетворить их как содержанием (изображая самое близкое, доступное уму ребенка окружение), так и формой (показывая все сквозь призму детских ощущений и представлений). Так в ее произведениях возник мир детских игр и забав, изображавшийся как «настоящий» по отношению к «фиктивному» миру взрослых. И в центре его, в согласии с принципом эгоцентрического поведения детей (в дальнейшем подтвержденным наукой), она помещала ребенка, предоставляла ему слово, раскрывала его мечты. Характерно, что, опираясь в своем творчестве лишь на собственные наблюдения и размышления, писательница не вступала в противоречие с принципами психологии развития, хотя исследования в этой области в то время только начинались.

Защищая право детей на радость и развлечения, М. Конопницкая внесла в насыщенную дидактизмом польскую литературу зерна юмора и истинного веселья, и в этом ее большая заслуга. Учитывая влечение юных читателей к сказочному и волшебному, она оживляла вещи и персонифицировала животных, действовала на детей не извне, а изнутри, полагаясь на их воображение и фантазию. Поэтесса немало расширила тематический диапазон литературы для детей. Ее произведения обогащали знания детей о мире, подготавливали их к пониманию различных общественных явлений, способствовали установлению их контакта с природой и человеческим обществом. И самое главное: Мария Конопницкая в Польше, как Н. А. Некрасов в России, первая сумела заговорить с маленькими читателями на языке поэзии, создав настоящие шедевры лирики для детей.

¹ Цит. по кн.: Brodzka Alina. Maria Konopnicka.— Warszawa, 1961, s. 208 (перевод наш — И. Е.). Далее ссылки на это издание даются в тексте.

² См.: Baculewski J. Maria Konopnicka.— Warszawa, 1978, s. 339 (перевод наш — И. Е.).

³ Северный С. Мария Конопницкая (Две смерти. Две памяти).— Свободное воспитание, 1910 (1911), № 4, с. 85.

⁴ Baculewski J. Maria Konopnicka, s. 344.

⁵ Kozłowski Sł. Maria Konopnicka. Szkic krytyczny.— Warszawa, 1902, s. 36 (перевод наш — И. Е.).